

1924

В

ДОКЛАДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

COMPTES RENDUS

DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE RUSSIE

AVRIL — JUIN

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке.

[B. Vladimircov. Restes du participe présent en mongol].

(Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в ОИФ 27 II 1924).

В монгольском письменном языке, в особенности в монгольской письменности до-классического периода, т. е. до XVI века, а также в некоторых живых монгольских наречиях встречается глагольная форма на *-i*, употребляемая как «*praesens II*» и *participium praesentis*: *bui* > халх. бі ~ wі, ойрат. бі «есть, сущий»; *ayisui* > халх.-Ург. а́сүү, халх.-зап. а́суу «приближается, приближающийся»; *odui* «отправляется, отправляющийся»; *yavui* «ходит, двигается»; *ejelei* «владеет, владеющий»; etc. Все эти глагольные формы — аморфные.

Наши грамматики монг. яз. форме на *-i* внимания не уделяли и один G. Y. Ramstedt¹ предложил рассматривать эту форму, как сокращенный вариант формы «*praesens II*» на *-uu*.

Но G. Y. Ramstedt не приводит доказательств в пользу своего положения кроме сопоставления *bui buuu* с халх. бі-wі «есть». Однако значение этого примера отпадает, потому что халх. бі-wі восходит не к *bui buuu*, а к *bui bui*, и такое сочетание мы действительно находим в монг.-письм. языке, служащее для перевода тибетского *mchis-so* «есть».

Впрочем решение вопроса, является форма на *-i* сокращением формы на *-uu* или нет, не имеет большого значения в данном случае. Важнее иное обстоятельство. От внимания G. Y. Ramstedt'a, а также и других исследователей монгольской грамматики, ускользнуло то, что рассматриваемая форма на *-i*, в монгольской письменности употребляется как форма причастия настоящего времени. Надо впрочем оговориться; форма *bui* в наших словарях и других сочинениях по монголоведению часто рассматривалась, как причастная или во всяком случае именная, хотя причастной никогда не называлась. Примеров употребления формы *bui* в качестве *participium praesentis* настолько много и они настолько общеизвестны, что приводить их нет необходимости. Надо заметить только, что наши исследователи монгольского языка обычно признают, что *bui* < * *büi* т. е. < v. *bü-*, > *bükü*, «быть, существовать».

На самом деле v. *bui-i* не имеет ничего общего с v. *bükü*, формой от основы *bü-*, появляющейся еще в аморфных образованиях *bü*, *bitegei* < *bütügei*, ни с формами от основы *bö-*: *bögetele*, *böged*, *bögesü*, *bölüge* (ср. ойрат. письм. *bögötölö* etc. ф. квадратного письма: *bö-he-su*, *bö-hed*. Формы *bui-i*, *bu-uu* и *bu-si*, <

¹ См. его Konjugation des khalkha-mongolischen, p. 74. G. Y. Ramstedt причисляет к рассматриваемым формам и *bolui* (= *bolai* добавим) «есть, существует».

основы *bi-*, всегда и неизменно являются перед нами с подобной огласовкой, т. е. с *u*, а не с *ü*; поэтому следует строго различать три основы: *bi-*, *bü-* и *bö-*, и производные от них формы. Монг. *bi-i*, очевидно, развилось из **bü-i*,ср. тюрк. *ba-r* и чуваш. *пур*.

Можно привести несколько примеров, показывающих употребление формы на *-i* в качестве *participium praesentis*: *abči odii-yi Belgelei üjeged* (Алтан-тобчи, стр. 19) «Бельгэти, увидевши, что забирают (взявш-отправляются)...»; би Байрлахан а́сугч ўзълā (халх.-Зап.) «я увидел приближение Баярлаха» (с. и.).

Таким образом устанавливается, что в монгольском языке формы на *-i* употребляются, как аморфные «*praesens II*» и *participium praesentis*. Так как трудно представить себе, чтобы эти формы развились из первоначальных двух, совпавших впоследствии фонетически и графически, то приходится признать, что два значения формы на *-i* развилось из одного.

В виду общей склонности монгольского языка образовывать из причастий «окончательные» формы, можно думать, что первоначальное значение формы на *-i* было причастное, каким оно отчасти и сохранилось, и только постепенно, быть может в виду довольно рано возникшей аморфности, получившее значение индикативной «окончательной» формы.

Можно думать, что мы имеем дело с подобными же остатками *participii praesentis* в следующих аморфных образованиях: *yarii* «больше, более» < v. *yar-* «выходить»; *darii* «тотчас, немедленно» < v. *darii-* «давать, жать», etc. К этой же категории можно отнести и отрицание *ügei* «не, нет, не существующий» < v. **üge-*. За правильность признания *ügei*, как аморфного причастия настоящего времени от * v. *üge-*, говорит следующее: в монг.-письм. мы знаем еще отлагольные, аморфные же, образования от той же глагольной основы *üge-*: *ügeü*, *ügeüi*, (*ügeüi-e*) «не, нет, неимущий (в отсутствии, без)» < v. **üge-* + суф. *üi* (в *ügeüi-e* еще + окончание *dativ.*) || монг.-письм. (преимущественно до классического периода) *ülegü*, *ülegüi* > *ilegü* ~ *ilegi* классической письменности «слишком, более, лишний» (известна и форма с окончанием *dativ.*: *ülegüi-e*) < v. *üle-* «оставаться, быть в остатке». Тюркскими соответствиями монгольскому глаголу **üge-* будут следующие формы: саг. ўг, койбал. ўк «гибнуть», тел. ўі «уничтожиться, погибнуть» < **üg-*.

Против соответствия монг. **üge-* и тюрк. **üg-* с фонетической точки зрения возразить ничего нельзя.

Тоже самое придется сказать и о форме *edüi* ~ *ödüi* || *edügüi* ~ *ödügüi* (*ödügüi-e*) «еще не, не время» < v. **öd-*;ср. *edür* «день», старо-монг. *ödür* id., *edüge* «теперь, ныне», ойрат.-письм. *ödögē* ~ *ödüge* id. || тюрк.: орх., уйг. *öd* «время».